

Чтобы максимально полно отразить формальные параметры, характеризующие состояние исследовательской работы в разных научных центрах СССР, П. Штрэссле приводит таблицу, демонстрирующую географию научных публикаций. В удобные таблицы сведены также данные об использованных автором исторических источниках (с классификацией их по типам, темам, регионам и периодам), о названиях торговых поселений и колоний, о категориях товаров. Две географические карты показывают местоположение торговых поселений и прохождение торговых путей.

П. Штрэссле выделяет целую серию факторов, обуславливавших функционирование и вызывавших изменения направлений торговых путей. Среди них названы и хозяйственно-политические предпосылки, и транспортные возможности, и категории товаров, и техника дорожного строительства, и обеспечение безопасности, и, наконец, социальный облик «носителей торговли» (с. 85—86). Учет этих факторов П. Штрэссле берет за основу при оценке советской историографии, справедливо обращая внимание на нечеткость используемых ею дефиниций. Но и Штрэссле, в свою очередь, не разграничил понятия «торговые пути» и «пути сообщения» (см. с. 102—103). Между тем единственный факт использования дороги для перевозки товаров еще не доказывает, что она была торговым путем. В этом отношении примечательна четко определенная в последние годы тенденция выделять магистральные коммуникации дальней торговли и систему региональных торговых путей. Во всем Причерноморье в XIV—XV вв. наблюдается процесс распада дальних связей, замены их более разветвленной, но менее централизованной сетью местных коммуникаций, расширения к XV в. географии торговых связей Каффы, Транезунда, других крупных городов региона¹. Это не нашло должного отражения в работе Штрэссле.

Мы согласны со многими весьма критическими оценками П. Штрэссле. Действительно, научные дискуссии долгое время оставались «чуждым словом» в советской историографии Причерноморья (с. 25). Справедливы многочисленные ссылки Штрэссле на нечеткость терминологии, отсутствие семантического и критического анализа понятий и дефиниций

(с. 36, 53, 82, 87, 132 и др.), классификации и типологизации явлений и институтов торговой и колониальной практики средневековья. Верно, что и доныне история черноморской торговли в целом, всех торговых поселений этого региона в XIII—XV вв. еще не была предметом междисциплинарного комплексного обобщающего исследования в советской (как, впрочем, и в зарубежной. — С. К.) историографии (с. 16, 54—55). Однако объяснение этого тем, что византизмование было якобы долгое время «падчерпцей» в советской исторической науке (что неверно, особенно для послевоенного периода), и тем, что черноморские проблемы находились до конца 50-х годов на периферии исследовательских интересов как не относящиеся к развитию собственно русских территорий (с. 16), не убедительно. И дело не только в том, что рестриктивная научная политика, ограничение научных контактов советских ученых, нередко их слабая языковая подготовка, огульная критика в прошлом так называемой «буржуазной» историографии (с. 16—17) и, добавим, идеологические табу, извращенное понимание проблемы научной актуальности, догматизм в трактовке положений основоположников марксизма-ленинизма препятствовали нормальному исследовательскому процессу. Все это так. Но есть и продолжают существовать и куда более веские объективные причины. Для подобной обобщающей работы, на наш взгляд, еще не созданы необходимые научные предпосылки. Для ее подготовки необходима целая серия конкретных, посвященных отдельным областям и проблемам исследований, выявление и публикация основного массива источников, прежде всего в итальянских и турецких архивах, проведение новых масштабных археологических работ как в Северном, так и в Южном Причерноморье (где они практически не осуществлялись). Необходимо создание базы данных источников всех типов. Такая работа рассчитана на многие годы. Абстрактно справедливое замечание при конкретном рассмотрении оказывается умозрительным.

Принципиально важным и дискуссионным остается вопрос: как называть итальянские поселения в Причерноморье, одни из которых были целыми большими городами (Каффа), мощными крепостями (Солдайя, Симиссо и др.), другие — скромными селtlementами на чужой территории. Можно ли именовать их колониями, как это часто делалось в советской историографии, применительно к Северному Причерноморью? Штрэссле полагает (с. 58, 60), что термин «торговое поселение» — наиболее синтетический, обозначающий как *genus proximum* и торговую колонию, и факторию, и квартал, и стратегический опорный пункт. Фактория же может рассматриваться как

¹ См., например: Еманов А. Г. Система торговых связей Каффы в XIII—XV вв.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1986. С. 8—9; *Он же*. Восточное направление торговли Каффы в XIII—XV вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1986. Вып. 3. С. 99—102; Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв. М., 1990. С. 58—63.